

Любовь

Машкова

РОГНЕДА

Поэма

Заславль. Зеленые валы,
 И тишина. И вид на Свислочь.
 И – поворотом головы –
 Иным тысячелетье числишь.
 Вот здесь был княжий детинец,
 Куда сослали Гориславу¹,
 Чтоб здесь монашкой, бесславно
 Нашла княгиня свой конец.
 И насыпной зеленый холм,
 Ручьи Княгинька и Черница
 Из тьмы веков спешат пробиться
 И душу захватить в полон.
 Не с этого ль холма Рогнеда
 До Полоцка следила путь?
 И ей и мне сей путь неведом,
 Но если только вдаль взглянуть,
 Где Свислочь катит свои воды
 В Березину, а там – в Двину,
 Там – Полота, и там – свобода!
 И ты зовешь ее одну!
 Она тебе детей дороже.
 Нет, не детей... Но и детей!
 Березина... Двина... О Боже,
 Судеб скрещенье и путей...

Но отчего же, Беларусь,
 Земля моя, скажи на милость,
 Твоя история открылась
 Страницей, что ты наизусть

¹ Горислава – имя княжны полоцкой Рогнеды в замужестве за киевским князем Владимиром – Красное Солнышко.

Всегда послушной ученицей
Твердишь, не в силах ошибиться,

Твердишь, не в силах отклониться,
Твердишь, не в силах повернуть,
Как будто свыше выбран путь.
Как будто вековые беды
Открылись именем Рогнеды,
И ты свой скорбный тянешь гуж –
В столетье новое неуж?

...В заславской церкви тишина,
И только девочка одна
Среди веков экскурсоводит².
И где слова она находит,
И где взяла она глаза,
В которых дальняя слеза
О нашем гибнущем народе?

Анастасия. Горислава. Рогнеда –
Все здесь в ней одной
Скрепилось этой тишиной,
Родовой нашею кровавой.
Не девочка из русской сказки –
Княгинюшка на Руси белой:
*«Вот пояс, княже,
В три опояски:
Единство мысли,
Единство слова,
Единство дела».*

Зачем же ей идти по следу
Пути печального Рогнеды? –
Двадцатый век – десятый век.
Зачем одной ей среди всех
Открылся этот обсерг:
*«В березовом лесу – любиться,
В сосновом лесу – молиться,
В дубовом лесу – волю ковать...»*

I

«В березовом лесу – любиться...»
Сватам сегодня поклониться
Приспело полоцкой княжне:
Князь Ярополк с Киев-столицей

² Во многих церквах на территории СССР в советское время размещались историко-краеведческие музеи.

Рад с кривичами породниться,
Чтоб обоюдно стать сильней.
– Слыхали, за семью замками,
Закрытое семью ключами
Есть диво дивное у вас...
– Да где уж там, какое диво:
Мала, жалка и некрасива...
(Минуй нас приворот и сглаз!)

Но дело делается все же:
Резоны княжеств двух дороже,
Чем стать княжны и красота.
То, что мечом не взять хазарам –
Для Полоцка дается даром.
Отцовский ум – ее уста.

Но для княжны богиня Мара
Уже свои разводит чары –
Удел девический – мечтать...
Одно – в отцовских жить покоях,
А жизнь замужняя – другое,
Не зря вновь имя выбирать!
...Вот суженый ее по праву
Пред ней опустится на лаву,
С него разует сапоги
Княжна.
И он задует свечи,
И руки ей на белы плечи
Опустит... Мара, помоги!
Что там случиться может дале?
Ах, разберешься ты едва ли,
В светелку возвращайся вновь!
И только кровь сильней стучала,
И только помнилось – в начале
Рожденья княжичей – любовь.
Любовь, и вера, и надежда...
Князь Ярополк в белых одеждах,
И свадьба на Ярилин день –
И все девичье не важно,
Держись за поясок за княжий,
Своей рукою его надень
И, поклонившись, молви с лаской:

*«Вот пояс, княже,
В три опояски:
Единство мысли,
Единство слова,
Единство дела».*

...Ох, далеко же ты поглядела!
А ну как в думах мало толку,
Не власть как будешь Ярополку,
То что, княгинюшка, тогда?
Терпеть супружескую муку,
Не выдавать тоску и скуку
И помнить: бабья жизнь – вода?
То, что княгиня с князем ровня
Известно стало не сегодня.
Вон Ольга, Игоря жена,
Владела Киевом по праву,
А в Полоцке бабка Предслава
За мужа княжила сама.
Не внове все на белом свете.
Но счастья хочется Рогнеде,
И в чем здесь девичья вина?
Кудель, веретено – забыты,
И молится душой открытой
Над чистой Полотой она.

МОЛИТВА РОГНЕДЫ, КНЯЖНЫ ПОЛОЦКОЙ

Мать, земля моя полоцкая,
Дай мне силу твою притягательную,
Чтоб, как птицы к тебе возвращаются,
Так и сокол мой все ко мне летел,
Чтоб, как реки бегут не убегаючи,
Он не мог бы уйти от рук моих,
Чтоб, как солнце тебя зацеловывает,
Так и он бы ласкал свою женушку.
Чтоб, как ветер гладит дубравушку,
Так и он расплетал бы мне косыньки,
Чтоб, как пахарь в изнеможении
И в любви на грудь твою валится,
Так и он бы, отдав мне всю силушку,
У меня бы искал и отдыха...

Мать, земля моя полоцкая,
Дай мне силу твою родящую,
Чтобы жизнь во мне не кончалась,
Укрепи мне живот своей милостью.
Чтоб, как ты по весне возрождаешься,
Так и я обновлялась бы с родами,
Чтоб, как ты в себе семя пестуешь,
Так и я бы продолжилась в детушках,
Чтоб, как ты крепка своим колосом,
Так и я бы детьми гордилась.

А со мной и ты укреплялась бы,
Мать, земля моя полоцкая...

Так молит юная княжна,
Еще не зная, что она
В своей судьбине – полонянка,
И что в березовом лесу
Ей не любиться – лить слезу
Печальной птицею – подранком.
Что вместо киевских ладей
Сваты другие в очереди:
Побочный сын – за старшим следом.
И смысл не в том, кто чем богат,
А в том, что против брата – брат,
И, значит, быть великим бедам.
Владимир, Новгородский князь,
Войною страшною грозясь,
Невесту хочет Ярополка.
О нет, не из любви к княжне –
Он к славе рвется, как к жене,
И к власти, жаждуемой долго!
...Разрушен полоцкий очаг,
И у Рогнеды на глазах
Убит отец, и мать, и братья.
Но прежде – прежде боль и стыд,
Кроваво князь Владимир мстит
За то, что довелось сказать ей:
*«Не хочу разути рабынича,
За Ярополка иду».*
Ах, отступала как к стене –
Миг вышел вечностью княжне!
А князь сказал ей, усмехаясь:
– По-твоему случится пусть,
Коль стыд – рабынича разуть,
Поженится, не разуваясь.
Под вопли матери – отца,
Под ржанье кметов с дитенца –
Так довелось узнать ей мужа.
Но как ввели ее в шатер
Владимира – с тех самых пор
В ней пустота – не боль, не ужас.
Что Киев взят, что Ярополк
Убит Владимиром – не в толк,
Все мимо. И одно лишь следом,
Один везет с собою груз –
Слова с окровавленных уст:
«Запомни этот час, Рогнеда».

II

В сосновом лесу – молиться...»,
Чтоб в Лыбеди не утопиться,
Как ни была б мелка.
Несчастный – утопнет в ложке,
Счастливому – море в ножки,
Судьба сладка – иль горька.
Несчастному – небо в овчинку,
Счастливому – бор в спичинку,
Скатертью ляжет путь.
Владимиру-князю – удача,
Княгини Рогнеды плачу
В Лыбеди потонуть.
Владимира-князя слава
Сияет в небе кроваво
Незакатной звездой.
Княгини Рогнеды горе
Веревочкой вьется в поле –
Горем горьким – бедой.

– Как зваться, княгиня, будешь?
Кем выйдешь сегодня к людям,
Кем проживешь свой век?
– Буду, князь, Гориславой...
– Гореть тебе моей славой
(Сгорела для этой славы...), –
Владимир довольно рек.

Над Лыбедью низко тучи...
Но здесь над рекою лучше,
Чем в киевских теремах.
Нет князя – и будто воля
Отринет ее недолю,
Ее блужданья впотьмах.
И ранними птахами дети
Разбудят ее на рассвете,
И солнце увидит она.
Троих сыновей для престола
Выносила бессонно
Верная князя жена.

...Горюшко, Горислава,
Слышишь ли за дубравой
Топот конских копыт?
Князь возвращается с битвы.
Вот и ворота открыты,
И стол дубовый накрыт.

Солнышком князь сияет,
Знать, удача большая –
Вятичей род покорен,
Хазары, а там ятвяги...
Выпьем медовой браги –
Князь укрепляет трон.
Владимир Русь укрепляет,
Вот и сюда наезжает,
Чтобы продолжить род.
Вот только брачное ложе
С могилою холодом схоже –
Безлюбой любви черед.
Красивая в князе сила,
Она бы его любила,
Но средь его речей
Ни покаянного вздоха,
Ни слова о том, как плохо
Все обернулось с ней.
Над Лыбедью раненой птицей
Душа Гориславы томится,
Горит в огне голова.
Но только вот слышат ли боги
Свороги, Стрибоги, Дажьбоги
Молитвы ее слова?

МОЛИТВА ГОРИСЛАВЫ, КНЯГИНИ КИЕВСКОЙ

О боги мои полочанские!
Кругом побежден князь Рогволод,
А я вместо мести праведной
Убийце рожаю детей.
Слова ли отца во мне умерли:
Запомни сей час, Рогнедушка,
Любовь ли матери к княжичам
Застит в прошлое взгляд?
Владимир судьбу назначил мне:
А в ней ни любви, ни ласки мне,
Ни чести и ни достоинства,
Словно холопке-жене.
Срублено древо полоцкое,
И помнить Владимиру незачем
Ручей тот кровавый в Полоту
Средь державных забот.
О боги мои полочанские,
Скажите, чем жизнь Владимира
Дороже жизнью, им отнятых
У княжеской всей семьи?

Глядите – кровь на Владимире,
Владимире – Красное Солнышко –
И нечем ее отмыть!
Русь он любит великую?
Власть он любит великую,
Себя в этой власти любит он,
И Русь – раз она его!
Нет князю ни в чем оправдания,
Свести надо князя Владимира,
Пусть спит у меня на ложе он
Мертвым и вечным сном.

...Но, видимо, не вняли боги
Ее мольбе, ее тревоге,
Или на князя стороне
Была божественная сила? –
Она Владимира простила,
И страшен, страшен князя гнев.
Конец бы гордой полочанке,
И бранные ее останки
Принялся ворон бы клевать.

Но есть на княжеское право
Меч детский сына Изяслава,
И сын вступает за мать:
*«Не хочу видеть смерти матери моей,
Убей прежде меня, отче...»*

И меч Владимиру вручает,
И князь Владимир замирает,
Мгновение на них глядит
И – прочь. И тотчас же уехал.
Лишь тишину прервало эхо
Вдаль уносящихся копыт.
Но все же княжеская воля
Объявлена. Лихая доля –
Рогнедой-Гориславой быть.
С детьми прощайся, Горислава,
Разлуки горькую отраву
Тебе до дней последних пить!

Не позабыть до дней последних
Ни детских ножек бег победный,
Ни озорных глазенок блеск...
Тебе ж при Изяславе-сыне
Путь намечается отныне
В местечко Изяслав под Менск.

III

«В дубовом лесу – волю ковать...»

Сердце зажать и выжидать.

В дебрях, болотах лесных высидеть силу.

Волхва слова: Ты делай свое,

Боги, княгиня, исполнят свое...

Дело ее – Полоцк вернуть сыну.

Кроме того – что успела она,

Князем Владимиром устранена? –

Для Великой Руси князей нарожала?

Или заслугой ей может быть

То, что князя пыталась убить?

Или то, что в Киеве бедовала?

Только не княжье дело – страдать,

Княжье дело – свободу ковать,

Племя, земля родная – забота княжья.

Полоцку, людям княгиня нужна,

А не страдалица – князя жена.

Каждый страдает свое. Но это ли важно?

Князь-то Владимир легко отпустил...

Мать ли детей своих в ней пощадил,

Иль без того уже руки в крови убитых?

Сына вон ей отлюбил-отжалел...

Или сослал на жалкий удел?

С глаз подальше – свидетеля и защиту?

Мог поворот быть и более крут.

И в Изяславле люди живут –

Это не смерть, не поруб – сырая яма.

Мал – да свободен, да свой Изяславль.

Сына, княгиня, к власти правь,

Волю княжью в сыне крепи упрямо.

Все же Владимир хитро отомстил:

Кем в дреговичских болотах сын

Вырастет, жизни не зная-не ведая княжей?

Где он научится власть держать,

Воли усилием – побеждать,

Повелевать дружиной, кметами, стражей?

Вот, Горислава, где твой удел:

Хочешь, чтоб сын на престол дедов сел,

Вспомни, как князя ты привечать хотела:

«Вот пояс, княже,

В три опояски:

Единство мысли,

Единство слова,

Единство дела».

...Во поле ровном, во поле тряском
Князь не ходит, сынок, с опаской,
Князь – это ум и сила, и гордость, и смелость.
Сила ж у князя не только в руке –
Душу не держит князь налегке,
Этой силою князь и ведет дружину.
Ум у князя глядит наперед.
Новому делу тогда черед,
Если старое службу свою сослужило.
Гордость князя – это не хмель,
Это благая, державная цель,
Гордость – умна, а гордыня стегает плетью.
Смелость князя – опасность презреть,
И если надо – встретить смерть,
Отдых князя приходит только со смертью.

Так поучает княгиня дитя,
Сердце к Полоцку поворотя,
(Не обмани нас, батюшка, лес дубовый!)
И лес дубовый не обманул:
Только на лето год повернул,
Как Изяславль повернуло вестию новой.

Радость княгине то или грусть? –
Князь – Красно Солнышко крестит Русь,
Крестит в купели, крестит крестною силой.
Будет иметь он жену одну,
Анной ромейскую звать жену,
Сам он теперь по-гречески князь Василий.
К осени – и Изяславля черед,
Свислочь холодная жертвы ждет,
Но Горислава может справлять победу:
Волею князя, принявши крест,
Сын Изяслав из этих мест
Отправляется княжить в отчину деда!
А Горислава? Ей Полоцк закрыт,
Но княжьей волей никто не забыт –
Милость жене непокорной князь уготовил:
И Гориславы отныне судьба
Будет не только в крещении лба,
За боярина выйти – одно из условий.
А второе – коль скоро она,
Вновь гордыней своей смущена,
Не покорится, тогда помимо крещенья
Примет схиму, примет постриг,
Мал наш мир – да Христос велик,
Из Изяславля нет ей в мир возвращенья.

...Свечи пред алтарем зажжены.
 Увещеванья тебе не нужны –
 Главное же свершилось, о чем ты просила.
 И перед Полоцком вновь ты чиста...
 – *Отрекается раба божья Горислава*
От мира во имя Христа
И нарекается в монашестве Анастасией...

МОЛИТВА МАТЕРИ АНАСТАСИИ, ПЕРВОЙ МОНАХИНИ КРЕЩЕНОЙ РУСИ

Услышь меня, Боже милостивый,
 Прости мне мои прегрешения,
 Вольные и невольные:
 Гордыню мою непомерную,
 Уныние непреходящее,
 Скорбь мою о содеянном...
 Прими мое покаяние,
 «Утверди во мне веру праву и несовратну,
 И мне помози, Господи»³,
 Прими молитву материнскую.

Двенадцать сынов у Владимира,
 Среди них и моих три сокола:
 Изяслав, Ярослав, Мстислав.
 Изяслав княжит во Полоцке,
 Ярослав в Ростове сидит,
 Мстислав – князь Черниговский.
 И чует сердце материнское:
 Вот войдут они в лета княжеские,
 И захочется славы всем троим, –
 Вскружит власть молодые головы,
 И на земли друг друга позарятся,
 И скажут тогда:
 «Пусть решает меч!»
 А где вынут меч – там и крови течь...
 И пойдет война братоубийственная.
 ...Из варяг во греки реки текут,
 Век от века кровью всё полнятся.
 А ведь всё, в чем нужда у человека есть,
 Чем светлеет он и возрождается,
 Чем любая свара усмирятся,

³ Из молитвы Великого князя Владимира, крестившего Русь в 988 г. и причисленного Русской Православной Церковью к лику святых: «Боже великий, сотворивый небо и землю! Призри на новыя люди сия и даждь им, Господи, уведети Тебе, истиннаго Бога, якоже уведеша Тя страны христианския, и утверди в них веру праву и несовратну, и мне помози, Господи, на супротивнаго врага, да надеяся на Тя и Твою державу, побезю козни его!»

И что в сердце каждом затеплено,
Что живо под пеплом и холодом,
Что даровано Вседержителем –
Это есть Любовь.
И Любовь есть Бог
Умиротворяющий,
Возрождающий,
Всепрощающий.
Наставь их на верный путь, Господи,
Чтобы сердцем к Тебе повернулись,
Чтоб к престолу Твоему притулилися,
Чтоб под Твой покров устремилися
И восславили Тебя, Господи,
Отца и Сына и Святаго Духа
Ныне и присно, и вовеки веков.
Аминь.

...И, может, в ком-то отзовется
Анастасии скорбный глас...
Но где, Рогнеда, ты сейчас?
Пусть Гориславою вернется.
Пусть подивится горькой славе
Земли своей. И той отраве,
Что выплеснута в души нам,
Что выплеснута в уши нам,
Что выплеснута в жилы рек:
Живи, угрюмый человек.
Ты лучшего и не достоин –
Не пахарь, не кузнец, не воин –
Своих страстишек жалкий раб,
Ты слаб душой и сердцем слаб.
И если в этом мире, если
Анастасия⁴ и воскреснет,
То кто б за ней вослед пошел,
Чтобы сказать: воскресни, дол,
Воскресни, лес, воскресни, луг,
Воскресни твердь, воскресни, хлябь...
Воскресни, человеческий дух,
Велик ты, человек, – не слаб!

...Есть девочка одна в народе,
Средь нас порой она проходит,
Ни слова даже не сказав,
Но что-то есть в ее глазах –
Печаль о славе и свободе?

⁴ Анастасия (греч.) – воскресшая.

Ее души свеча живая –
Она едва еще мерцает...
Я ей хочу сказать: – Живи,
Ведь ты и есть свеча Любви,
Что светом в души проникает.
Ведь ты и есть тот оберег,
Что в будущий введет нас век.
Ведь выйдет кто-то на подмогу,
Кому сказать ты сможешь строго:
 *«Вот пояс, княже,
 В три опояски:
 Единство мысли,
 Единство слова,
 Единство дела»* –
Своей рукой бы его надела,
Да только, княже, трудна дорога...

1990–1991

Алма-Ата – Минск – Заславль – Алма-Ата.

Автор благодарит белорусских историка Федора Кривоноса, искусствоведа Нину Матвиенко, писателя Константина Тарасова, которым она обязана написанием этой поэмы.

